

Анастасия Полярная
Обдириха

Издательский дом «Сказочная дорога»

2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полярная А. Ю.

Обдириха / А. Ю. Полярная — Издательский дом «Сказочная дорога», 2016

ISBN 978-5-4329-0108-8

В повести «Обдириха» гармонично сочетается художественный и этнографический материал в рамках основного сюжетного рисунка. Действие происходит в начале 2000-х годов на Русском Севере, в архангельской деревне Верколе. Места эти известны монастырём, построенным в честь святого отрока Артемия Веркольского. Здесь родился, жил и похоронен писатель Фёдор Абрамов (1920–1983). В повести описываются особенности быта, уклад русской северной деревни. Наряду с реалистической, сюжет образует и мистическая линия, отражающая характерное для сознания многих северян сочетание христианской веры с древними языческими представлениями. Один из героев повести, московский студент, нарушает неписанный запрет, вторгаясь в сферу господства таинственных сил природы. То, что за этим следует, создаёт развитие сюжетной коллизии. В основе идейно-философской составляющей повести лежит представление о существовании разных духовно-мистических начал в природе и их проекция на жизнь селян. В произведении отражена проблема нравственного выбора молодого человека, оказавшегося в экстремальной ситуации.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4329-0108-8

© Полярная А. Ю., 2016
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Анастасия Полярная

Обдириха

© Полярная А. Ю., 2016

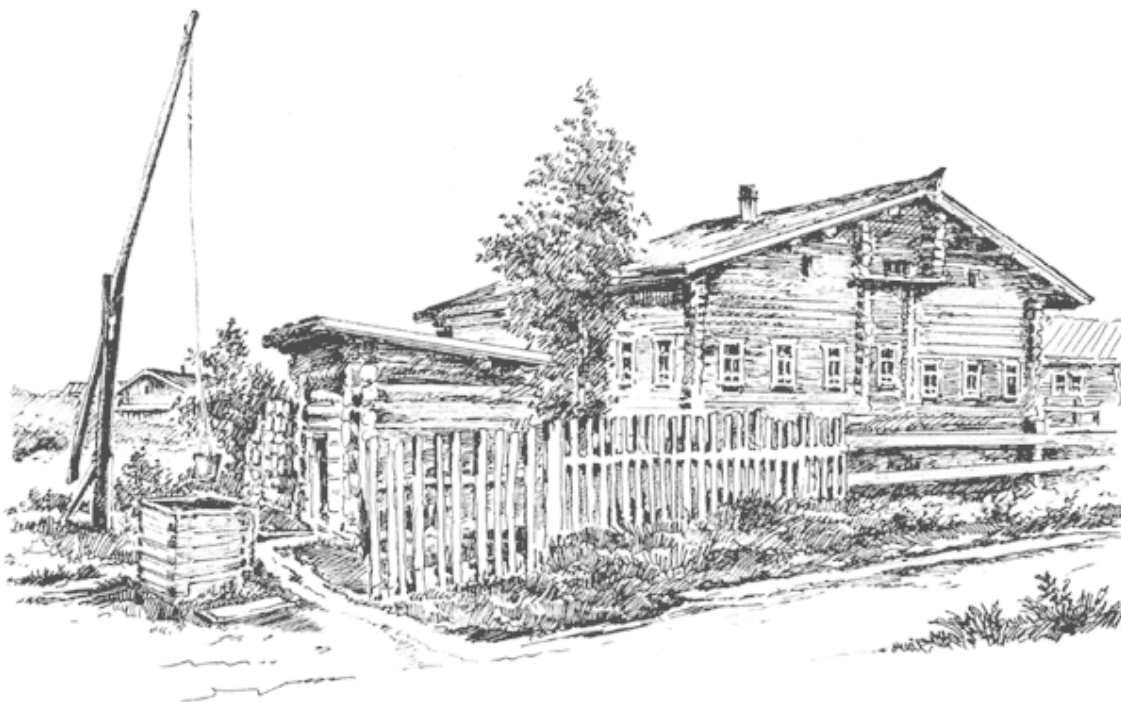
© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2016

* * *

В основу сюжета повести «Обдириха» положен реальный случай, но при создании литературного произведения он подвергся художественной обработке. Образы героев – собирательные. Имена некоторых из них могут совпадать с именами и реальными людьми, но такие совпадения прошу считать чисто случайными.

Посвящаю повесть моим друзьям, разделяющим со мной любовь к Русскому Северу и способствовавшим выходу книги в свет.

Анастасия Полярная

В деревне никто не сходит с ума...

И. Бродский

Дорога причудливо извивалась, прокладывая себе путь среди скалистых, поросших лесом возвышенностей, называемых здесь горами. То устремляясь в крутой подъём, то неожиданно срываясь с кручи, она петляла на невообразимых нескончаемых поворотах, чуть ли не на девяносто градусов менявших направление.

По правде сказать, эту узкую грунтовую полосу песчаного цвета лишь условно можно было назвать дорогой: она сплошь состояла из ям и рытвин, неожиданных россыпей камней и

имела, помимо многочисленных «слепых» поворотов, непредсказуемый уклон и «неправильный» профиль.

Старенький пазик трясло и подбрасывало. Всякий раз при подъёме в гору – а по мере продвижения подъёмы встречались всё чаще и чаще – он наполнялся пылью, от чего становилось трудно дышать и щекотало в носу. Водитель, худощавый мужчина лет сорока, с сероватым от пыли лицом, гнал автобус, даже не притормаживая на поворотах и не расставаясь с зажатой в зубах беломориной. При очередном спуске автобус качнулся, сотрясаясь всем своим корпусом, передняя дверь с грохотом распахнулась, и приземистая старушка в ярком гарусном платке и серой кофте тут же подхватила стоявший на полу пестерь¹.

– Да что ж это деясця-то, Господи!.. Погоди, Володь... Ты б потише-то ехал! Мне выходить-то скоро. Всю ягоду мне растрясёшь, – запричитала она.

– Эх, дороги у нас такие, баба Марья, – лениво отозвался водитель, нехотя вытащив изо рта размякшую папироску.

Временами сквозь мелколесье блестела речка. Играя на солнце весёлыми бликами, она оживляла пейзаж. Казалось, что дорога и река иногда бежали наперегонки, соперничая друг с другом; когда же становилось труднее и опаснее, речка будто бы помогала преодолевать этот нелёгкий путь. Ландшафт вокруг тоже менялся: дорога сужалась, местами становилось холмистее; даже пригорки, образованные по обеим её сторонам, нарастали, становились насыщеннее и разнообразнее по цвету: красные глинозёмы переходили в белёсый песок, сквозь который пробивалась яркая зелень. Могучие сосны и ели, покрывавшие карстовые холмы, казалось, задевали вершинами небо.

Укачиваемый дорогой Костя обхватил руками стоявшую на коленях походную сумку и впал в лёгкую дрему. Сперва он пытался следить за дорогой. Проносившиеся за окном пейзажи привлекали его. Но, почувствовав несколько любопытных взглядов, юноша смутился: ему казалось, будто все понимают, что он не местный, но он не мог определить, что его выдаёт.

Пассажиров в автобусе было немного. На передних сиденьях разместились двое парней в заношенных спортивных костюмах. Один из них, несмотря на июльскую жару, сидел в вязаной спортивной шапочке, натянутой на голову по самые уши. Парни переговаривались с водителем, шутя и балагурия.

Рядом с Костей сидела полная, ещё не старая простоволосая женщина в очках, одетая в синий плащ моды времён семидесятых, но неплохо сохранившийся. Она, не отрываясь, смотрела в окно. Напротив расположился сухонький старичок табачного цвета с как будто бы вырезанным из дерева лицом. По соседству с ним ехала худощавая пожилая женщина с собранными в хвост седыми волосами. Позади – ещё несколько стариков и старушек.

Иногда автобус останавливался, выпуская редких пассажиров; кое-кто входил, кряхтя и чертыхаясь, затаскивая тяжёлую поклажу.

Приподняв голову, Костя вновь откинулся на трясущееся сиденье, обтянутое чёрным дерматином; как ни влёл его северный пейзаж, почему-то непреодолимо клонило в сон.

Строить планы на лето Костя начал ещё задолго до окончания своего первого учебного года в университете. Ему хотелось забраться куда-нибудь подальше от цивилизации. «Неужели жизнь исчерпывается вот этим?» – размышлял он о неизбежных достижениях современного мира, окружавших его повсюду, ощущая себя глубоко обманутым. Однажды ему в руки попался томик Фёдора Абрамова, и, зачитавшись рассказами северного писателя, московский студент почувствовал непреодолимое желание побывать в этих краях. «Интересно, как там сейчас живут люди? Что изменилось с тех времён?» – думал он. Эти вопросы не давали ему покоя; загадочный Русский Север поманил его со страниц рассказов Абрамова, и как только сессия была сдана, юноша со спокойной совестью взял билет до Архангельска.

¹ Пестерь – плетённый (обычно из бересты) ранец. – Здесь и далее примечания автора.

...Неожиданно автобус тряхнуло так, что бабкин пестерь подскочил, упал на пол и раскрылся, из него посыпались крупные спелые ягоды. Костя смотрел на них и не мог понять, что это за ягоды: они были ему незнакомы. Не сбавляя скорости, автобус летел, подхваченный дорогой, словно корабль по волнам: то поднимаясь в гору, то спускаясь вниз, при этом раскачиваясь из стороны в сторону и опасно наклоняясь на поворотах. Ещё чуть-чуть – и может произойти непоправимое, но автобус в решающий момент выруливал на крутых виражах, удерживая равновесие; виртуозно вписывался в повороты, преодолевал узкие серпантины и рискованные спуски. Казалось, что похожий на гигантского дрозда водитель над ним невластен: автобус движется, ведомый какой-то другой, невидимой силой... По пути почему-то не попадалось ни единой машины.

Вдруг на одном шатком деревянном мостике пазик подпрыгнул, послышался глухой удар, будто у него что-то отвалилось. Водитель, не обращая внимания, поехал дальше.

– Володя, останови! Деталь какую-то обронили! Кажись, колесо запасное! – крикнула бабка в гарусном платке.

А «табачный» старичок чему-то усмехнулся.

– А, ладно, – лениво махнул рукой водитель, – дадут другое на автобазе, – и затянул песню.

Костя взглянул на него и понял, что шофёр просто не может остановиться: автобус его не слушается!..

– А е-са-у-у-л догадлив бы-ыл!.. – горланил водила, лихо обгоняя несущийся узик: это была первая встретившаяся попутка.

Картина природы вновь стала меняться. Дорога вилась между красно-белыми скалистыми породами, образующими естественный коридор. Она ещё больше сужалась и, казалось, вставала на дыбы на очередном подъёме. Автобус на удивление легко взлетал по ней. С высоты открывался потрясающий вид: синела река Пинега с песчаными косами; на фоне небесной панорамы виднелись далёкие заречные деревни, а у подножия, как на ладони, – острые вершины елей и извилистая лента дороги. Косте хотелось, чтобы автобус на мгновение остановился, позволив ему зафиксировать изумительный пейзаж в памяти, но этого не произошло: не замедляя хода, он нёсся к обрыву и, словно отчаянный лыжник, ринулся вниз. Под горой показался очередной узкий мостик, а навстречу бежал разогнавшийся лесовоз...

– Про-па-дёт, – он го-во-рил, – тво-я буй-на го-лова! Ой, да про-па-дёт...

– Ну тормози же, баран!.. Неужели?!..

Бабка в гарусном платке охнула и выпустила пестерь, а «табачный» мужичок вскочил, раскинув загорелые коричневые руки словно ветви старого дерева. На одной из них Костя заметил причудливый след выжженной татуировки, напоминающий какой-то до боли знакомый символ...

Автобус оторвался от земли, раздался удар и звон стёкол; юношу подбросило, как на трамплине, он полетел головой вперёд и почувствовал, что проваливается в тёмную бездну... Очнулся он, услышав доносившиеся сквозь шум мотора голоса.

– Сосед-то наш, Николаич, всю машину разгрохал! Ремонту не подлежит. Хорошо ещё сам цел остался!

– Там постоянно кто-нибудь разбивается.

– И все одно и то же говорят...

– Близ деревни Шардонемь, – кто-то громко произнёс название, и Костя, окончательно приходя в себя, открыл глаза.

...За окошком проплывали лесистые холмы. «Табачного» старичка уже в автобусе не было; его соседка, повернувшись к сидевшим впереди парням, участвовала в общем разговоре.

– Тогда темнело ведь рано по осени. Он мне сам рассказывал: ехал, ехал, – всё спокойно, а у этой деревни вдруг что-то чёрное, как плащ, или птица с огромными крыльями, на лобовое

стекло бросилось!.. Он сделать не может ничего: машина – набок на всём ходу!.. – оживлённо говорил парень в вязаной шапочке, стараясь перекрыть дорожный шум.

– Там очень часто такое случается, – вступила в разговор Костина соседка. – С нашей деревни мужик рассказывал: ехал раз, и тоже что-то ему возле Шардонемы померещилось, будто кто-то стоит на дороге. Остановился, выходит, – никого. Сел в машину, а за ним будто кто гонится... Чудом, сказал, не влетел никуда. И больше за руль не садится. То ли место это такое несчастливое, то ли дух там какой-то лесной на шофёров охотится... Надо бы освятить тот участок.

- Ты про Ефимыча? – уточнила придерживавшая пестерь бабка.
- О нём, о нём, – закивала женщина.
- Захар Ефимыч-то ведь и странным стал после этого, – вставила старушка с хвостом.
- Так и есть, Петровна, – поддакнула бабка.

Её пестерь стоял на прежнем месте, аккуратно завязанный, будто и не падал. Водитель молчаливо держал руль и дымил беломориной. «Неужели мне всё приснилось?» – подумал

Костя, и его взгляд упал на единственную раздавленную ягоду. «Непонятно», – удивился он и снова задремал.

* * *

Автобус вдруг вырулил круто вправо, фыркнул и резко затормозил на песчаном пяточке, окружённом соснами.

– Ну что?.. Пора выходить – Веркола! – радостно объявил водила.

– Спасибо, спасибо, Володя, – повторяла бабка, приноравливаясь к пестерю.

– погоди, подмогну! – крикнул водила.

– Да я уж попривыкла, Володечка. Ты вон лучше Петровне пособи: у неё там потяжелее будет, – отозвалась старушка.

Костя взял у неё пестерь, а водитель тем временем, выскочив из автобуса, принялся помогать соседке «табачного» старичка вынести здоровенную сумку.

– Что везёшь-то, Петровна? Кабыть не кирпичи? – протянул он, обнажая коричневые пеньки зубов.

– Да всё по мелочи, Володя. Я ж в Карпогоры ездила. У нас ведь не купить ничего, сам, поди, знаешь, – выпалила она скороговоркой.

– Ну, Пахом, другорядь когда? – спросил водила у сутулого мужичка, отвернувшись от запасливой старушонки.

– А ты, парень, чей будешь? – услышал Костя.

На него пристально смотрела бабка, хозяйка пестеря.

– Так... погостить приехал, – помедлив, ответил он.

– К родным, чай, приехал? – уточнила Петровна.

– Да нет, так...

Старушки удивлённо уставились на паренька.

– К кому приехал-то, сынок? Я здесь всех знаю, – продолжала расспрашивать неугомонная бабка, не сводя с него любопытных глаз.

– Подай-ка ей, молодой человек, пестерь, – пришла на выручку женщина в очках, сидевшая рядом с ним в автобусе.

– А какая у вас ягода? – поинтересовался Костя, подавая пестерь.

– Как какая? Морошка, – в один голос ответили женщины.

– Морошки, что ль, не видал никогда? – удивилась Петровна, от чего Костя ещё больше смутился.

– А всё же к кому ты приехал, я не поняла? – не унималась любопытная бабка.

– Просто так, ни к кому. Посмотреть я приехал деревню.

– Чиво смотреть? У нас и смотреть здесь-то нечево...

Брови бабки поползли вверх, а глаза округлились.

– Да отступись ты от него, Фоминична! – крикнул хрипловато водитель автобуса. – Есть у нас что повидать. Есть! И музей у нас здесь великолепный, и монастырь заодно посмотрит. Только вот ночевать где собрался, милоч?

Костя посмотрел на водителя.

– Сам не знаю. Здесь есть гостиница?

– Гостиницы нет, – сказала его бывшая соседка.

– Была, так закрыли лет как с десять. Всё им бы позакрывать!.. Раньше ферма была, скотобаза... А счас – всё развалили... Живём-то благодаря музею, да так – кто чем... Кто калымит, кто хозяйством спасается, – сплюнув, махнул рукой водитель. – Ты, парень, вот чего:

иди вверх туда, в сторону угора, – там Абрамовское печище² есть: увидишь, старинный дом стоит, ему лет двести уже. Ну, не двести – сто пятьдесят будет, с конём деревянным. Вот туда постучись, там женщина живёт, у нас здесь, в музее, работает. Авось пустит, гляди... Добрая она: всех пускает переночевать-то... – И, немного помолчав, добавил: – Фёдора Абрамова, писателя, нашего земляка, знаешь небось? Так это его родственники.

Костя пожал руку водителю, вскинул на плечо сумку и бодро зашагал по безлюдной деревянной улице, поднимавшейся в угор, темнеющий на фоне розового заката. Бабы по-прежнему стояли у автобуса, удивлённо смотрели ему вслед и судачили.

– Пусть поедит. Молодой ещё. Пусть повидает, – задумчиво сказал водитель.

Бабы не спешили расходиться. Они ещё что-то обсуждали, но Костя давно их не слышал. Он быстро шёл по дороге, успевая замечать неяркую красоту здешних мест. Стояла белая ночь; в её прозрачном свете к природным цветам примешивалась сиреневая дымка.

Проступавшие сквозь лёгкий туман старинные силуэты деревянных домов, амбаров, бань отдавали лёгкой синевой и рождали ощущение призрачности...

Разлившееся в поднебесье малиновое марево заката висело над дорогой.

«Дом с деревянным конём... Где он?.. А если не пустят?» – думал юноша.

В воздухе стоял назойливый звон комаров, слетавшихся тучами. Комары беспрестанно кусали Костю. Он устал от них отбиваться и делал это почти автоматически. Временами ему казалось, что он к ним почти привык. Мысли его были заняты поиском дома с конём.

«А если не удастся решить вопрос с ночлегом, – расстелю куртку под ближайшим амбаром, лягу и усну, – решил парень. – Вот только эти комары, проклятые комары!»

Свет в некоторых домах ещё горел. Костя уже присматривал, где бы ему расположиться, как вдруг заметил лежащие на земле этюдники.

«Ура! Здесь братья-художники. Значит, ночлег и горячий чай обеспечены, а может, у них найдётся даже средство от комаров».

Забора не было.

Костя поднял голову. Старинный бревенчатый дом с резным изящным конём на крыше гордо и величаво возвышался на фоне светлого, но плотного, словно «мастихинового»³, как определил про себя Костя, северного неба. Он постоял, держась за металлическое кольцо, вдетое в низенькую дверь, ощущая приятный холодок металла. Повернул кольцо и негромко постучался.

* * *

Александра Фёдоровна собиралась ложиться спать, когда в дверь постучали. Неожиданные гости были в её доме обычным явлением, поэтому она несколько не удивилась, когда на пороге появился худощавый паренёк в надвинутой на лоб бейсболке, в джинсах, с походной сумкой за плечами.

– Как звать-то тебя? Проходи. Сейчас чай пить будем. Только сняла самовар недавно. Сегодня салатом обойдёмся, а уж завтра я тебя накормлю как следует. У меня здесь художники заезжие жили. Уезжают завтра. Последнюю ночь поработать хотели. Ночной пейзаж. Студент?

– Студент.

В доме было тепло и сухо. А главное, не было комаров. Чем-то пахло. Это было что-то знакомое, знакомое до боли, из детства. Это был не запах дерева, не молока, не воды, не старых сухих обоев... Но чего-то родного: запах жилья, окружённого теплом и заботой.

² Печище – место родового поселения.

³ Мастихин – инструмент художника, который иногда выступает альтернативой кисти.

– Помолись вот здесь, – хозяйка указала на иконы, расположенные в красном углу. – Завтра в монастырь пойдём с утра на службу. Ты ведь пойдёшь с нами?

На Костю внимательно смотрела невысокая круглолицая женщина лет пятидесяти, в очках, с зачёсанными в пучок русыми волосами и морщинистыми пухлыми руками. Она говорила неторопливо, ласковым голосом, а в конце как бы запевала фразу, поднимая интонацию вверх.

– Федя, я тебе рубашку поглажу. В мятой неудобно идти. Надо надеть чистую, – сказала она, обращаясь к кому-то в глубине избы.

В горницу тотчас вбежал белокурый мальчик лет девяти, с такими же умными, широко распахнутыми глазами, и устался на незнакомого паренька:

– А вы наш гость, да?

– Федя, что надо сказать? – притворно-строго вмешалась Александра Фёдоровна.

– Здравствуйте, – сказал мальчик, смутившись, и на мгновение потупился, но тут же вновь с любопытством взглянул на Константина.

– А вы тоже из Питера? И тоже рисовать приехали?

– Нет, я из Москвы, – улыбнулся Костя. – Порисую, хоть я и не художник.

– А кто?

– Вообще-то философ.

Теперь он был спокоен и умиротворён. А в душе неторопливо распускался невиданный цветок, сотканный далёкими забытыми ощущениями из детства: запахов травы, свежих брёвен, полевых цветов, дыма костра... Приглушённые цвета белой северной ночи, чистый воздух и доносившиеся ночные звуки наполняли юношу чувством светлой радости. И ещё не успев опомниться после столицы, Костя испытывал ликование от того, что попал в эту северную деревню.

– Ты ешь, ешь давай! Да спать ложись. Я тебе здесь постелила, в горнице. Завтра вставать рано, Константин, – хлопотала хозяйка.

Он допил чай, машинально вытер рукавом губы и направился к кровати, но перед сном решил ещё раз окинуть взглядом окрестности.

Приятной ночной прохладой веяло в воздухе. По-прежнему звенели комары. Костя вышел на дорогу и отправился в сторону угора, обрывавшегося крутым спуском в низину. Оттуда открывалась удивительная панорама: малиновое солнце уже сползло вниз, к дальнему лесу, таявшему на горизонте в синеватой дымке. Цвет леса постепенно переходил в тёмно-зелёный, почти чёрный, а у его подножия вилась сиреневой лентой Пинега. От реки до ближайших домов тянулись зелёные луга. А вдали, среди бесконечного леса, на границе голубого и зелёного, виднелись благородные купола и своды старинного монастыря.

* * *

Нужно поторопиться, – велела Александра Фёдоровна.

К реке, до перевоза, было около двух километров. Сначала дорога вела через поле, потом – заливными лугами. С утра комаров было значительно меньше. И это радовало. Костя, Александра Фёдоровна и Федя шли достаточно быстро.

Через реку их перевозил в осиновой лодке-долблёнке неразговорчивый монах Георгий. Раньше Костя видел такие только в музее. Вода в Пинеге вблизи берега была прозрачной, на середине реки казалась голубой, местами на глубине – цвета золотистой охры.

Мягко причалив, монах расправил голяхи бродней⁴, ловко выскочил из лодки и привычным движением подтянул её к берегу.

⁴ Бродни – высокие резиновые сапоги.

От берега поднималась в угор натоптанная тропка.

– Монастырь наш, – начала рассказывать Александра Фёдоровна, – Спасо-Артемие-Веркольский, построен в честь святого отрока Артемия. Однажды (это было Бог знает как давно) двенадцатилетнего мальчика, отправившегося на сенокос вместе с отцом, внезапно застигла в поле гроза, и он неожиданно умер. В него не попала молния; эта смерть произошла без видимой причины... Согласно старинным представлениям, это считалось дурным знаком, и, опасаясь неурожая и иных невзгод, жители деревни велели отнести его за округу, подальше в лес, и закидать еловыми лапами.

– Зачем? – удивился Костя.

– Дабы беды не наделал. Так верили крестьяне.

– И что?

– Они отвезли его тело в лес и забросали еловыми ветками. В таких случаях было принято не хоронить. Со временем все уже забыли об этом отроке. Но однажды, спустя тридцать лет, в этих местах сбился с пути заезжий епископ. Дорогу они потеряли... Плутали, плутали с возницей. Зимой дело было, кажется. Начали молиться: уже думали – погибель. Вдруг видят: в лесу какой-то странный свет. Прямо в чаще! Поехали они на этот свет, напрямик сквозь заросли... Едут, едут... Что такое: свечение непонятное из-под ельника исходит. Вышли, начали разгребать ветки... А там... тело мальчика нетленное сохранилось, и от него этот свет шёл. А потом начались чудеса – исцеления. И Артемий, так звали этого отрока, был признан святым, и решено было строить часовню в его имя, а потом и монастырь.

– Тот самый?

– Да, этот вот монастырь, видишь. Правда, впоследствии мощи Артемия странным образом куда-то исчезли. До сих пор их найти не могут. Долгое время они хранились в монастыре, доколе не наступили смутные кровавые времена. Говорят, что монахи их спрятали от красноармейцев, дабы большевики не надругались над святыней. И так осквернили многое, нехристи проклятые!.. Монастырь только сейчас стал возрождаться – силами наших монахов-тружеников. Их всего-то восемь человек, да и средств не хватает...

Древняя обитель выглядела величественно: старинные своды, купола, стены, чуть наклонённые вовнутрь, наподобие контрфорсов, чем архитектура монастыря отдалённо напоминала соловецкую; с ней Костя был знаком по фильмам и репродукциям. На территории обители росли могучие «длинноногие» кедры с пушистыми кронами. Всё это производило сильное впечатление на вырвавшегося из душной столицы парня.

После службы батюшка пригласил всех прихожан обедать. Как выяснилось, в Веркольском монастыре была такая традиция. Трапезная располагалась в отдельных каменных палатах: просторном помещении с низким сводчатым потолком и длинным широким столом. Косте налили тарелку горохового супа и положили салат из речных водорослей. Их собирали здесь же, по берегам Пинеги. В монастырской трапезной кормили всех паломников и туристов, прихожан, посещавших службу, и случайно захавших гостей. Отдавал распоряжения довольно молодой высокий священник в отглаженной рясе – отец Венедикт.

«Хорошо бы с ним побеседовать», – подумал Константин, чувствуя в душе гармонию и покой. Эти ощущения были для него новыми и настолько же необычными: нигде раньше он не чувствовал себя так спокойно.

«Надо будет сюда обязательно вернуться», – думал он, кидая монеты в Пинегу.

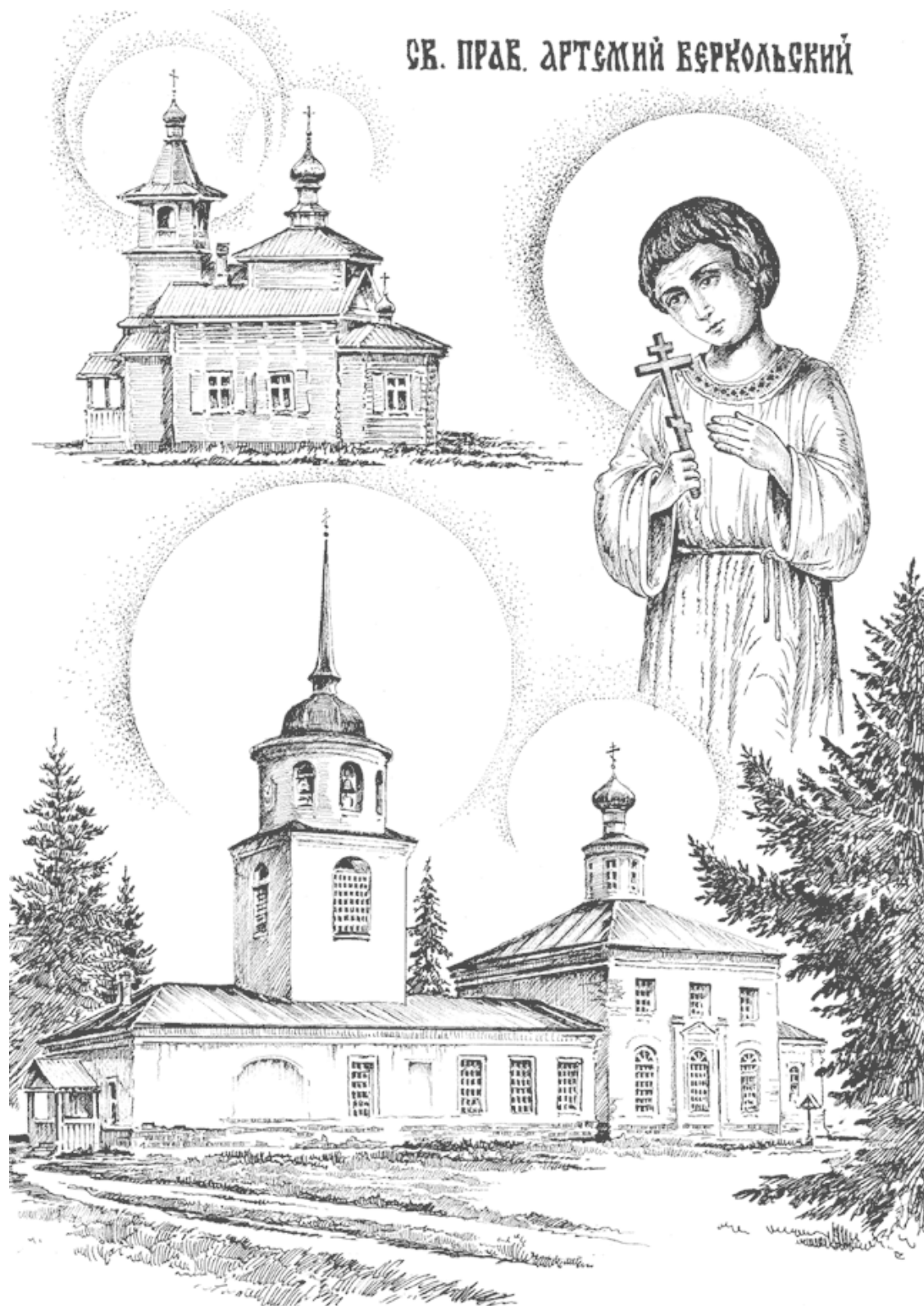
На обратном пути, возвращаясь из монастыря к перевозу, Костя заметил рубленую часовню, а за ней – две ухоженные могилы с высокими деревянными крестами.

– Кто здесь похоронен? – спросил он у Александры Фёдоровны.

– Это детские могилы, – не сразу ответила женщина, – девочки и мальчика. Мальчик – сын моей соседки. Студентом был, вроде тебя. Спортсменом. Приехал в Верколу на каникулы. И вот... Купаться пошёл как-то... А ведь реки северные опасны. Вот и река наша, Пинега,

коварная. Она только кажется спокойной да мелкой. Здесь мелко, а шаг рядом ступи – глубоко. Такие места у нас застругами⁵ называются. Ямы и заструги встречаются часто на Пинеге. Или вот песок-седун: на вид – обычный песок; идёшь, идёшь по нему – всё хорошо вроде, и вдруг раз – просядет, а под песком – вода, и ты проваливаешься вместе с ним на дно. Так может два и больше дна у реки быть. Говорят, Двину, по одной версии, оттого так и назвали, что у неё «два дна» якобы. И здесь, у нас, надо быть осторожным. Сколько телят провалилось!.. Федя, Феденька, идём! Что ж это за ребёнок! Снял сандалии – занозится! Федя, обуй!

⁵ *Заструга* – неожиданно глубокое место на северной реке, обычно сменяющее песчаную мель, пролегающее за ней рельефной полосой.

- Мама, тут занозиться нечем. Этот берег весь святой, – серьёзно ответил мальчик.
- Умный он у меня парень, – негромко сказала Александра Фёдоровна. – Вот придём, Федя музей тебе свой покажет.
- Что за музей? – удивился Костя.
- А вот увидишь, – улыбнулась женщина. – У него есть музей свой. – Да, опасные эти северные реки, – продолжила она. – Вот и наша река тоже непредсказуема. Её надо хорошо

знать. Так и Андрюшка, приехал на каникулы, искупаться пошёл... И всё – потонул малый. А пловец был – хоть куда! Так-таки. Переоценил он себя, силы свои не рассчитал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.